

ИСТОК

1

— Моргана, опасно столько смотреть на солнце.

В голосе брата, негромком и усталом, слыла печаль. Морган прекрасно видел, как-ким солнцем она любовалась. И отец, граф де Монфор, заметь он ее оплошность первым, нашел бы, что сказать дочери, которая прилюдно глазееет на нувориша.

Моргана опустила взгляд. Силуэт в золотистом ореоле, четко выделявшийся на фоне неба, распался красными пятнами. Солнца, впрочем, не требовалось: она всегда видела Уилберта так, словно его окружало слепящее марево. Он пытался погладить коня, а тот, чувствуя нервозность всадника, пофыркивал и перебирал ногами.

— Ты очень бледна. — Морган тоже проследил взглядом за старшим сыном барона Гримвуда. Моргане никогда не удавалось прочесть по лицу брата, что он думает об этом человеке.

— Не беспокойся.

ИСТОК

— Уверена, что хочешь ехать? Я могу поговорить с отцом.

Моргана покачала головой. Брат едва ли обрадовался бы, узнав, к чему сводятся ее сегодняшние надежды: Уилберт Гримвуд увезет ее в Шотландию или пристрелит, как лисицу, прямо на этой богом проклятой охоте.

— Не нужно. Но спасибо.

Кивнув близнецу, Моргана двинулась к лошади. Она едва могла дышать, и не знала, винить в этом корсет или светловолосую голову Гримвуда. Они не виделись без малого три года, а теперь он один мог спасти ее жизнь. Хотя бы то, что еще оставалось. Уилберту в декабре исполнится двадцать один, и он, если верить словам его брата, еще ни с кем не обручился. Сегодня или никогда.

Из-за недостатка воздуха у Морганы страшно кружилась голова. Амазонку из плотного бархата в последний момент подшивали прямо на ней, и платье облегло фигуру как перчатка, к удовольствию матери и модистки, похоже позабывших, что от нее требуется не только «блистать», но и держаться в седле. Затянутая в корсет Моргана чувствовала ноющую боль в ребрах, а ног не чувствовала вовсе и передвигалась скорее по памяти, как кукла на веревочках, ведомая кукловодом.

Может, свернуть себе шею на галопе для нее было и не худшим вариантом.

— Моя дорогая! Я знаю, как ты любишь охоту, но будь осторожна и держись ближе ко мне.

Ритуал «родственная любовь» был соблюден со всем тщанием. Едва ли кто-то посторонний услышал в нежной материнской просьбе предупреждение.

Графиня в последний раз оглядела амазонку Морганы, на полдюйма поправив воротник. Парижская портниха пошила верх из темно-изумрудного бархата, чтобы каждый мог убедиться: род де Монфор по-прежнему способен выложить за наряд дочери цену, близкую к годовому доходу скромного поместья.

Моргана скверно разбиралась в деньгах, но хорошо понимала, что происходит: роскошная амазонка была из того же разряда, что вывеска над ресторацией. Отцу требовалось «показать товар лицом», и он не поскупился, оборачивая в бархат девицу, которую небеса не наделили ослепительной красотой. Единственной дочери графа красота и не требовалась: в ее жилах текла кровь, которую отец решил дорого продать своему приятелю по палате лордов и уже сговорился с лордом Глиффордом, стариком втрое старше Морганы. Право голоса в вопросах брака имели только любимые дети, а значит, в их семье подобный казус не случился бы.

Если бы отец умер в ближайшую пару лет, Морган сумел бы спасти ее. Заключил бы договор с Гримвудами — то, чего граф не допустил бы никогда. Моргана бы стала женой Уилберта, пусть даже к алтарю ей пришлось бы идти босиком по битому стеклу. Да что идти — она бежала бы туда со счастливой улыбкой.

Но в свои неполные пятьдесят отец был крепок здоровьем и, как следствие, ее ожидала куда менее приятная судьба.

«Если Уилберт не посватается, на следующей охоте перережу подпругу. Видит небо, перережу. Мне шестнадцать, пройдет два года, прежде чем сбыть меня Глиффорду станет приличным, я успею».

Дождавшись пения трубы, Моргана взлетела в седло, не забыв в последний момент перехватить юбку,

чтобы ткань легла красивыми складками. Собственно, большего с нее в этот день и не требовалось.

Уилберт оседлал коня. Чего ему при его колене это стоило — знал один он да Бог в небе. Моргана видела, что Уилберт держался неестественно прямо, точно иллюстрация в учебнике этикета.

Начиналась парфорсная охота. Веселый праздник жизни, некоторым участникам которого предстояло умереть.

В морозном воздухе далеко разносились рожки, лай, смех. Все приходило в движение. Вокруг Моргану закружилось множество цветных пятен, запахов и звуков, сменяющих друг друга безо всякого порядка. Ее снова начало мутить.

Моргана до одури боялась отца, не любила скопления людей и вовсе не рвалась увидеть, что стая собак сделает с несчастной лисицей. Она слегла бы с нервной лихорадкой еще утром, но Морган предупредил, что на огонек заглянут соседи, барон Гримвуд с семьей — женой и обоими сыновьями. Не иначе граф де Монфор, однажды получивший изрядно шпилек от леди Гримвуд, решил показать новым дворянам, как развлекается настоящая — природная — знать. Ну и заодно заставил обидчицу лишний раз продемонстрировать всему цвету общества покалеченного пасынка. Скорее дождь пошел бы вверх, чем чета Гримвудов, приняв такое приглашение, позволила бы Уилберту остаться дома.

Силы Моргану поддерживала лишь надежда оторваться во время охоты от матери и переговорить с Уилбертом наедине. Надежда, как она понимала, призрачная. Ей бы никогда не позволили в одиночку ускакать далеко вперед. И, даже если бы произошло

чудо, она не сумела бы связать при нем и двух слов, не говоря уж о таком рискованном предложении, как выбор между венчанием в Шотландии и убийством из милосердия. Он не стал бы смеяться, но, вероятно, повезли бы ее не в Шотландию, а к специалисту по душевным болезням.

К тому же, зная амбиции барона Гримвуда, Уилберта тоже кому-то да продали бы: деньги их семейству были без надобности, а вот бедная дворянка хорошего рода сошла бы за удачную партию. Правда, у «товара» имелся видимый дефект: лет семь назад, будучи в школе, Уилберт неудачно сломал ногу. Подробностей Моргана не знала. Вышла какая-то некрасивая история, в которой фигурировал разбитый нос виконта, падение с лестницы и скверно оказанная помощь. Дело было давнее и темное, но теперь Уилберт ходил с тростью, а танцевать мог разве только в ее снах.

Моргана бросила быстрый взгляд на леди Гримвуд. Мать называла ее не иначе как «испанская холера». Моргана не вполне понимала, сколько в этом определении неприязни, и сколько — зависти. Госпожа Пилар с ее южной красотой и в вызывающе рубиновой амазонке выделялась в толпе дам, как райская птица в стае галок. Она, несомненно, была красивой и смелой женщиной — и только. Хорошая женщина не допустила бы, чтобы ее покалеченный пасынок лез в седло на глазах у доброй сотни человек.

«Боже, ты есть в небесах. Помоги Уилберту. Помоги мне. Нам не надо многого. Я готова жить у моря и вязать сети, сама разводить огонь в очаге и сама стряпать. Готова носить лен и есть соль дважды в году...»

Моргана еще много чего пообещала бы в беззвучной молитве, обращенной к холодным осенним не-

бесам, но тут снова звонко запела труба. Кавалькада тронулась. Собаки с лаем неслись впереди. Всадники замелькали размытыми цветными пятнами. Моргана, мертвой хваткой вцепившаяся в поводья, едва дышала в корсете. Эмбер, ее лошадь, мчалась вперед, сама выбирая дорогу.

Свет, тень, яркие одежды, синее небо и серо-желтая трава сменялись в каком-то безумном хороводе. Она потеряла из вида Уилберта, мать, брата — всех, кого могла хоть как-то опознать. Сердце уже колотилось в самом горле.

«А я и вправду могу упасть».

Моргана словно очнулась, разом ощутив бьющий в лицо ветер, съехавшую на лоб шляпу, жесткие ребра корсета, тряску седла и дробь, которую выбивали из гравия аллеи копыта.

Да, она могла упасть. Это разом разрешило бы все проблемы, и, при ее трусости, другого способа их разрешить не существовало. Завалиться на бок, выпустить поводья на полном скаку — какая-то секунда. Не долгая, изнурительная и безнадежная борьба, а мгновенная вспышка отваги, за которой уже ничего нет. Собраться и разом покончить с лордом Глиффордом, с отцом и матерью, с тем, что Уилберт не отведет ее к алтарю, да и сам не дойдет туда без трости. Она не была слепой и видела, как порой трепещут ноздри его носа и какими широкими делаются зрачки. Какая ненужная легкость сохранилась в его жестах и как он ковыляет со своей тросточкой, будто цепью прикованный к проклятой палке и к земле под ней. Нет, Моргане определенно не хотелось оставаться в мире, который так жестоко обошелся с ним и с ней.

«Морган меня простит». Поменяйся они местами, Моргана бы простила.

Падать на аллее, на глазах у других охотников и так близко к поместью, конечно, было нельзя: могли успеть послать за доктором. Собаки уже унеслись далеко вперед и вырвались в поля. Там вились изгороди, и всадники шли бы не так кучно. Она могла отстать и потом не взять барьер. Мало ли леди каждый сезон расшибаются на галопе.

Едва Моргана приняла решение, ее разом оставил всякий страх. Чудовищное будущее сжалось в отрезок от пары минут до пары часов и растеряло силу. Она выпала из сложной цепи причин и следствий, долгов и платежей.

Камешек, попавший под копыта, выбил из подковы холодный звон. Моргана едва не рассмеялась в голос.

«Я только в последний раз взгляну на Уилберта».

Осуди ее мать или весь свет, им пришлось бы приложить немалые усилия, чтобы их мнение услышали за гробом.

Эмбер, почуяв настроение всадницы, припустила быстрее. Моргана, склонившись к луке седла, всматривалась в красные рединготы и цветной калейдоскоп амазонок, словно для яркости сбрызнутый осенним солнцем и ажурной тенью листвы. Рубиново-алое, летящее впереди пятно — Пилар. Обошла всех дам и большинство мужчин, перемывать ей кости будут до Рождества, не иначе. Дочка какого-то коневода, испанка, «холера». Мачеха Уилберта была года на четыре моложе матери Морган, а выглядела едва ли не ровесницей ее дочери.

Вторую баронессу Гримвуд женская часть светского общества ненавидела даже сильнее, чем первую. И если вина леди Дженнифер Гримвуд — матери Уилберта — сводилась к ее поразительной, поистине ангельской красоте, то Пилар уязвила дам гораздо сильнее: она смела любить жизнь и — того хуже — смела это показывать. Люби эта женщина хоть немного и своего пасынка, она стала бы кумиром Морганы. Но три года назад на обеде у де Монфоров Пилар защищала Уилберта как вещь, словно он представлял собою не слишком хорошо начищенное столовое серебро.

За тем обедом Моргана впервые в жизни разбила чашку нарочно. Все обернулись на грохот, и вежливый обмен колкостями затих сам собой. А вечером следующего дня, когда гости отбыли и розги плавали в соляном растворе, дожидаясь своего часа, дело спасла только лихорадка, уложившая ее в постель на неделю.

Впрочем, выпори ее тогда до бесчувствия, Моргана расколотила бы ту чашку столько раз, сколько потребовалось бы для прекращения издевательства. Она не поняла, что било Уилберта больше: завуалированные издевки графа вкупе с лицемерным сочувствием графини или полупрезрительная оборона баронессы при ледяном молчании барона. Уилберт не произнес ни слова, точно разговор взрослых шел не о нем и никак его не касался. Он совершенно механическими, неестественно точными, будто у заводной куклы взятыми движениями резал мясо на тарелке. Не дрожали ни руки, ни губы, ни ресницы и, казалось, он даже не дышал. Но Моргане почему-то запомнилось, что это было очень страшно.

Моргана сморгнула слезы, которые вышиб то ли ветер, то ли промелькнувшее воспоминание. Как хо-

рошо, что и это не повторится. Через год Уилберт встретит совершеннолетие, и ни один человек больше не посмеет оскорбить его. Или хотя бы не сумеет сделать это безнаказанно.

Большинство всадников рассыпались по полю маленькими группками и уже оторвались далеко, когда она наконец разглядела, что искала. Высокий серый гунтер, высокий всадник на нем. Уилберт не мчался лихим карьером, но явно старался не отстать совсем. На охоте, где они встретились впервые, он поступал так же, разве что держался в седле хуже. Похоже, за три года сумел как-то приспособиться к увечью.

Аллея заканчивалась, дальше лежали поля и за ними — тонущий в осеннем золоте лес. Моргана с минуту держалась позади Уилберта, потом все же обошла. Набралась храбрости, обернулась. Едва ли ей удалось послать улыбку разом прелестную и скромную, как поступали девицы в романах, но от человека, который через четверть часа ляжет на землю со сломанной шеей, много и не требовалось.

Вдруг потом, долгие годы спустя, перебирая события своей юности, Уилберт вспомнит сегодняшний день и поймет, что хотя бы однажды он встретил на своем пути любовь. Что жил под этим небом человек, для которого он, Уилберт Гримвуд, был дороже самого неба.

Моргана не увидела, ответил ли Уилберт на ее улыбку. Удивился он, смутился или разозлился — золотистый свет стирал такие несущественные детали.

Эмбер вырвалась в поля, одетые в изморозь раннего ноября. Моргана послала лошадь в карьер. Положение уже выглядело опасным — одна кротовая нора — и скачка, и без того балансирующая на грани

полета и падения, прекратится. То, чего она боялась и чего ждала.

Моргана еще раз обернулась через плечо, но Уилберта уже не увидела: того скрывал подъем. Зато далеко впереди, у самой кромки леса, узнала брата и его коня. Они друг другу подходили — оба рыжеватые и флегматичные. Морган не любил насилия и не рвался первым увидеть, как свора псов растерзает несчастную лисицу, но Моргана прекрасно слышала вчерашний выговор отца на предмет толковых и бестолковых наследников. Может, королем охоты Моргану и не стать, но граф желал видеть сына в голове кавалькады, а не плетущимся в хвосте, как хромо́й выродок нуворишей. Ровно эти слова он и употребил в своем родительском наставлении.

Морган скрылся в лесу. Эмбер лихо перемахнула изгородь и помчалась в сторону оврага, по дну которого летом журчал ручей. Теперь там блестела полоска тонкого ледка.

Лучшего места для осуществления своего плана Моргана бы не нашла. Но вместо того, чтобы освободить ногу из стремени, завалиться на бок и выпустить поводья, она отчего-то только вцепилась в них крепче и наклонилась вперед. Белая корка едва слышно хрустнула под копытами приземлившейся Эмбер, и лошадь оказалась на другой стороне оврага. Мелькнула седая трава, несколько рытвин, оставленных проехавшими прежде всадниками, и перед Морганой вновь открылись поле и серо-желтая, словно нарисованная акварелью на фоне синих небес стена леса.

«Я могу сделать это на обратном пути».

У нее заledenели кончики пальцев в перчатках. Как будто она совершила оплошность на глазах отца или

происходит какая-то другая непоправимая катастрофа. Под ребрами кольнула вспышка боли.

«Все дело в корсете».

Моргана буквально кожей почувствовала, что нет, не в нем. Сломалось не ребро корсета, а что-то в самом мире, холодном и бескрайнем, уже почти переставшим быть ей домом.

Уилберт мог вылететь из седла. Верховая езда давалась ему с трудом, и он был слишком гордым, чтобы позволить кому-то это заметить. А спуск к оврагу был крутым.

Эмбер несла к лесу, на звонкий собачий лай и пение рожка, выющееся над полем как какая-то странная поземка. Моргана пыталась вдохнуть. Она больше не могла ни повернуть, ни даже остановить лошадь.

Трава. Солнце. Синее небо, исчерканное черным и желтым. Лесная дорожка. Все мелькало хаотично и вместе с тем подчиняясь какому-то непонятному закону, будто в быстром танце.

Отцовский окрик плетью хлестнул по ушам. Только он и привел Моргану в себя. Она, словно механическая игрушка, выполнила его команду едва ли не раньше, чем уловила ее смысл.

Остановиться.

Когда отец выволакивал ее из седла, а кто-то еще заводил Эмбер за кусты, в голове Морганы мелькали самые разные мысли. Граф видел, как она смотрела на Уилберта Гримвуда и прямо сейчас объяснит падшей девке, как больно быть таковой. Или узнал о задуманном ею самоубийстве и вколотит в нее еще немного Божьего закона и дочерней почтительности. Или ее, как в страшной сказке, принесут в жертву лесу, прибавив сердце к черной коре.

А потом она увидела взмыленную рыжую лошадь. И лицо брата — свое лицо — в жухлой траве, бледное, повернутое относительно плеч неправильно, как на рисунке начинающего художника.

Кто-то из подручных отца быстро снимал с Моргана красный редингот. Моргана подумала, что ему окажут помощь, и рванулась туда, но получила удар в солнечное сплетение. Пока ее рвало, отец вспарывал амазонку. Баснословно дорогой бархат трещал, а Моргана никак не могла сообразить, что происходит и почему брат ее не защищает, почему молчит.

До ее сознания не сразу дошло, что от лица брата осталась половина. То, что касалось травы, представляло собой сплошное месиво, лишенное черт. Нарисовали и стерли.

— Да надевай же.

Отец не кричал. Он никогда не кричал, его и так боялись больше, чем дьявола.

Моргана попыталась выполнить команду. Руки вели себя так, словно не принадлежали ей, и пуговицы редингота застегивал человек, лица которого она даже не могла узнать. Он же проводил какие-то манипуляции с ее туалетом и обувью, но в полуобморочном состоянии она понимала лишь то, что должна стоять прямо. Потом почувствовала холод стали у самого затылка

Моргана закрыла глаза. Вот и конец.

Волосы из пучка упали на спину, и голова вдруг сделалась необычно легкой. Моргана слышала странный звук — словно пилили толстый, упругий канат — но не могла соотнести с реальностью ни его, ни осенний ветерок, бросивший ей на щеки короткие пряди.

— Сидеть. Молчать. Ни звука.

Приказа не требовалось. Горло Морганы сжал спазм, ее хватало только на то, чтобы как-то проталкивать в грудь воздух.

Они что-то делали с Морганом за кустами. Она не смотрела, не думала, не понимала и не хотела понимать.

Когда то, что осталось от брата, укутали в чей-то редингот, из-под которого торчал край изумрудной амазонки, и попытались погрузить на Эмбер, лошадь взбрыкнула.

Граф молча поднял револьвер и выстрелил ей в ухо. Та упала мгновенно, как марионетка, которой разом обрезали все веревочки. Длинные ноги еще несколько секунд рыли траву, словно на ощупь искали там что-то, потом замерли.

— Эта скотина убила мою единственную дочь. Мою горячо любимую Моргану.

В синем небе скалилось золотое солнце, в лесу звонко пел рожок.

Гон был в самом разгаре, и никто не заметил, что мир закончился.

2

— Человеческие чувства вам определенно чужды, не трудитесь их имитировать.

Уилберт привычно сцепил зубы. Мастерницей имитировать человеческие чувства при их полном отсутствии был не он, а нынешняя леди Гримвуд. Правда, когда столь очевидный факт был озвучен впервые, лет десять-двенадцать назад, его выдрали розгами так, что пришлось лежать пластом целую неделю и врать брату

про приступ сенной лихорадки. Не то чтобы удовольствие того не стоило — ребенком Уилберт повторял фокус, пока тот не утратил шарм новизны.

Похороны не входили в список его любимых мероприятий, и в другой ситуации Уилберт бы огрызнулся, чтобы дать отцу повод оставить его дома. Представлять из себя нечто вроде кружевного зонтика, который берут с собой исключительно по капризу или крайней необходимости, конечно, было унижительно, особенно при условии, что зонтику следует вести себя хорошо. Но у лучшего друга Ламберта погибла сестра, и брат тяжело переживал. Уилберту никогда не хватило бы оптимизма считать Моргана де Монфора заодно и своим другом. У эльфского выроodka не могло быть друзей. И, конечно, никогда не было.

— Как вам будет угодно, отец.

Барон Гримвуд, услышавший это слово в свой адрес, скривился, словно разом ощутил боль зубную и душевную. Нечто подобное происходило всегда, но, надо отдать должное, отец не потребовал перестать так к нему обращаться, как не требовал и раньше. Это была единственная месть, доступная Уилберту в детстве. Как он понимал, весьма и весьма жалкая.

При одном взгляде на Роберта и Уилберта Гримвудов любой человек убедился бы, что перед ним стоят кровные родственники. Пусть Уилберт представлял собой почти точную копию матери, глаза он унаследовал отцовские, фамильного серо-синего цвета. Наверное, если бы не эта деталь, барон нашел бы способ утопить его как щенка, когда Ламберту исполнилось три года. Ну или в поместье имелись высокие и крутые лестницы, которые непременно сделались бы скользкими, родись Уилберт от блуда.

Мраморной лестницы, широкой дугой спускающейся в гостиную, Уилберт перестал бояться только шесть лет назад, когда скатился с ее школьного аналога. А отец смог убедиться, что средство это на свой манер эффективное, но не вполне надежное.

— Завтра вам ни при каких обстоятельствах не следует выражать сочувствия, просто стойте и молчите. — Барон, говоря с ним, смотрел куда угодно, но только не на сына: его необыкновенно заинтересовал залитый солнцем пейзаж за окном. Уилберт делал все возможное, чтобы тоже не скосить глаза на сверкающие стекла. Они имели какой-то совершенно лишний объем. — Похороны испортить сложно, но у вас к таким вещам великолепный природный дар.

— Приятно услышать от вас, отец, что я не лишен хоть какого-то дарования.

Отвечая, Уилберт рефлекторно напрягся, но старался сохранить осанку. До эпизода, когда ему сначала сломали ногу одноклассники, а потом доломал бездарный коновал, неведомо как получивший диплом врача, отец порол его так, что спина наследника Гримвудов произвела некоторый эффект даже в выдавшем виды Итоне. По сравнению с родным домом, где Уилберту могли всыпать розог исключительно для профилактики дурных манер, школа представляла собою практически курорт. Но, какие бы деньги отец ни выложил за удовольствие пристроить отпрыска в учебное заведение для сливок общества, жизни Уилберту они нисколько не облегчили. И закончилось все так, как закончилось.

Единственным светлым пятном в этой истории стало то, что больше отец ни за розги, ни за плеть не брался. Уилберт был бы рад объяснить перемену проснувшимся состраданием, однако подозревал, что дело

скорее в безразличии. Охромевшую гончую можно пристрелить, но вот лупить ее с целью как-то улучшить — уже без надобности. А барон, надо отдать должное, наказывал его исключительно из соображений воспитания — такую безразличность на лице не подделывать, Уилберт с детства все хорошо понимал. Будь его воля, к эльфскому выродку он, наверное, и не притронулся бы.

Отец не поднимал на него руки уже семь лет, но старые привычки въелись крепко. Первые несколько секунд Уилберт всегда ждал удара.

— Доброго дня.

Барон собакам своим отдавал команды более ласковым тоном. Правда Уилберт, в отличие от собак, понимал с первого раза и давно не пытался проявить симпатию.

Раньше, когда он еще мог убраться быстро, было бы просто «вон».

Отец его не любил. Эта правда просто существовала, как необходимость дыхания для людей или смена времен года. Уилберт мог сколь угодно хорошо учиться, держаться в обществе и поражать деловых партнеров барона отличным произношением на трех иностранных языках, ничего бы не изменилось. Он был нелюбимый сын от нелюбимой женщины, эдакая досадная ошибка, которую нельзя вымарать из бухгалтерской книги и на которую приходится смотреть ежедневно, много, много лет.

Эльфский выродок. Сын сумасшедшей. Внук шлюхи.

Отец увольнял слуг без рекомендаций, когда слышал только отзвуки этих сплетен, но сам, похоже, разделял мнение челяди. Уилберт и рад был сказать всем,

что они лгут себе и другим, но, проходя мимо зеркал и цепляя их поверхность краем зрения, он видел нехорошие вещи.

Что-то было не в порядке с отражением, а вернее — с ним самим.

Коротко кивнув отцу, он вышел в коридор. Пилар грациозно плыла ему навстречу, шурша фламандскими кружевами утреннего платья. Эта тварь умела идеально подкрашивать седину, но вид пудры, набившейся в крохотные морщинки в уголках ее глаз, доставил Уилберту истинное удовольствие. Раньше дома она обходилась без макияжа.

— Прекрасная погода для прогулки, — промурлыкала Пилар.

При звуках мягкого голоса, еще более смягченного едва заметным испанским акцентом, Уилберта, как всегда, прошила ненависть. Буквально физически, словно ему на спину под рубашку плеснули кипятком. Он жил под одной крышей с этой тварью без малого пятнадцать лет, пора было привыкнуть, тем более что шпильки Пилар не отличались впечатляющим разнообразием или остроумием. Но каждый раз почему-то попадали в цель.

Уилберт выждал пару секунд, прежде чем ровно ответить:

— А вы прекрасно выглядите, мадам.

«Мадам» в свое время тоже стоило ему немало шрамов, но от такого удовольствия не отказываются.

На следующий день Моргану хоронили под проливным дождем, в закрытом гробу. Шептались, что лошадь, сбросив ее, проволокла девушку по земле несколько десятков ярдов. Уилберту хотелось свернуть

шей охотникам до таких обсуждений. Моргане едва сравнялось шестнадцать, и то, что произошло, было ужасно и без всех этих подробностей, пересказываемых с плохо скрываемым удовольствием.

Ламберт стоял рядом, с трудом сдерживая слезы. Брат отличался добрым сердцем и присутствовал на похоронах впервые. Уилберт же в пять лет успел схоронить мать и обладал до отвращения хорошей памятью. Его мысли носились от этого дождливого ветреного дня к тому, другому, и он почти не слышал бормотания священника. Промысел, прощение, встреча за гробом... Церковь была единственной организацией, которой годами и веками платили за обещания.

Уилберт вспомнил короткий взгляд Морганы, когда та обогнала его на самом выезде из аллеи. Он был слишком занят попытками удержаться в седле на галопе, чтобы суметь разобрать выражения ее лица. По большей части это было даже не зрительное впечатление, а ощущение, будто его вдруг погладили.

Моргана, надо признать, умела поставить в тупик.

Он впервые встретил ее тринадцатилетней, и уже тогда эта молчаливая девочка почему-то хотела его защищать. Она была умнее Ламберта, который за тем обедом ничего не понял, и смелее его самого, который понял все, но не решился этого прекратить. Демонстративно колотить посуду следовало ему, а не Моргане, которая сама тряслась как лист. Наверное, это называлось «мужеством отчаяния». Уилберт читал о нем в книгах, но сам не обладал таким качеством.

Он предпочитал как можно реже мысленно возвращаться к тому дню. Впервые Уилберт попытался покончить с собой в семь лет, ребенком запертый

в комнате во время ночной грозы. Во второй — уже вполне холодно и осознанно — в тринадцать, когда понял, что ходить как человек больше не сможет, и тогда ему почти удалось. В семнадцать, после званого обеда у Монфоров, он предпринял бы третью попытку, наверняка успешную, но Моргана помешала этим планам осуществиться.

Едва ли на охоте она обернулась из удовольствия показать, как легко ей удалось вырваться вперед. Все произошло быстро, и Уилберт даже не успел окликнуть Моргану. Что она собиралась ему сказать? Знала что-то? Прощалась?

Не могла же она хотеть умереть. Хотя, если внимательно посмотреть на графа де Монфора, пожалуй, могла.

Три года назад, за пару часов до того самого проклятого обеда, на выходе из графской конюшни Уилберт буквально затылком почувствовал, что кто-то смотрит ему вслед, и обернулся. Те несколько секунд, которые Моргана стояла в полутьме, прежде чем окончательно шмыгнуть во мрак, он — совершенно опешивший — чуть ли не грелся под ее взглядом. В нем не было того безусловного осуждения, которым его щедро окатывал остальной мир. Словно бы Моргана не считала его выродком. Семнадцатилетний Уилберт впервые покраснел от какого-то странного чувства, напоминающего стыд. И позже задумался над невообразимой ранее вещью: а может ли хромоногое эльфское отродье нравиться девушкам? Мысли мгновенно понесли его к дочери соседа по имению, Анне Блэкмур, и встретившийся по дороге отец посоветовал ему стереть улыбку, джентльмену не подобающую. «При вашем лице и статусе». Спасибо, хоть про ногу

не напомнил, будто Уилберт не видел в зеркале своего лица и не был осведомлен о своем статусе. Одноклассники ему все отлично рассказали, а потом и показали. Ему, конечно, удалось своротить пару носов, а одному даже сломать руку, но с лестницы скатился он, и калекой тоже остался он.

Священник наконец прекратил бубнить. Уилберт перевел взгляд на гроб.

Чего бы ни обещала церковь, земная любовь кончалась землей. Только ненависть давала плоды и цвела несколько поколений, как плесень в темном погребе. Все хорошее и чистое, что было в этом мире, стремилось отсюда уйти. Он закрыл глаза и как наяву увидел мать, белую, белее атласной обивки гроба. За час до смерти у нее пошла горлом кровь, и она потеряла ее так много, что румяна уже не могли помочь.

Во время прощальной церемонии леди Гримвуд лежала в открытом гробу. Отец не отказался от удовольствия в последний раз выставить на всеобщее обозрение свой лучший трофей: первую красавицу Лондона, которая из всего обилия поклонников предпочла выскочку, чей дед купил титул и полуразвалившийся дом, ныне гордо именуемый поместьем. «Союз небесного ангела и нескораемого сейфа», — шутили об их браке. Уилберт лучше всех на свете знал, как мало смешного вышло из этой истории.

Ангел продержалась меньше семи лет. К последнему году только служанка, вовремя сообразившая, что происходит неладное, сумела вырвать из рук ангела ножницы. Отец сделал матери замечание на предмет недостаточно широкой улыбки, а она очень его любила и каждое слово воспринимала предельно серьезно.

Уилберт вздрогнул и распахнул глаза. Роскошная крышка гроба из красного дерева. Даже похороны дочери граф де Монфор превратил в ярмарку тщеславия. А она лежала под вензелями и белыми розами, совсем одна. Он был рад, что не видит мертвого лица Морганы.

Или все же видел. Морган де Монфор — страшноватая, до синевы бледная копия сестры — смотрел на него, не мигая. Он стоял довольно близко, и Уилберт разглядел широченные зрачки, почти затопившие светло-серую радужку. В глазах графского сына стояло что-то глубоко болезненное.

Уилберт дернул щекой и отвернулся. Взгляд Моргана он чувствовал как крик, бьющий в уши. И ему очень хотелось, чтобы взгляд наконец замолчал. Здесь находилось порядочно людей, и пляться именно на него было вовсе не обязательно. Он ровно так же не мог ничем помочь Моргану, как и все остальные.

Гроб оторвали от земли и медленно понесли в фамильный склеп. Ноги носильщиков проваливались в размокшую от дождя почву, мерзко хлюпало. Священник вновь забормотал что-то пустое и скучное, как повторяющийся сон, где бегаешь от двери к двери, и за каждой — глухая кирпичная кладка.

Уилберт из-под ресниц оглядел толпу. Конечно, из господ плакал один Ламберт. Морган наконец перестал на него смотреть. Ему сделалось настолько дурно, что кто-то из мужчин взял наследника под руку и повел прочь. Того шатало, как пьяного, и он едва передвигал ноги.

Впрочем, если бы умер Ламберт, он, Уилберт, наверное, лег бы на гроб, как собака, и там бы издох. Удивляться настоящему горю не следовало, пусть они

и жили в мире, где батистовые платочки подносили к сухим глазам, а испанские ведьмы заказывали траурные наряды у самых модных портных.

Уилберт смотрел вслед удаляющейся процессии.

«Бедная Моргана».

«Видишь все и ничего не замечаешь. Бедной Моргане стерли лицо».

Он, вздрогнув, обернулся в поисках острослова, который посмел так пошутить. А потом понял, что никто их не нагнал и рядом с ним стоит лишь Ламберт, усиленно изображающий, что глаза у него слезятся от ветра.

— Пойдем, пока отец нас не потерял, — прошептал брат.

«Нас». Ламберт всегда был к нему добр.

— Идем.

— Ты видел Моргана?

— Глаза у меня, как ты мог заметить, есть. Причем исправный комплект.

— С Морганом что-то неладно. Он ни слова не сказал за все похороны.

Уилберт кивком показал на удаляющуюся толпу и дорожку, ведущую к склепу. Он мог бы спросить, а что вообще «ладно» в месте, где только что похоронили девушку в цвете лет, но Ламберт к шестнадцати годам сумел сохранить повадки ласкового щенка, готового обожать все кругом, и просто не понял бы. У них было пять лет разницы, и целая пропасть, разделяющая тех, кто всеми любим и любит сам, и тех, кто напрасно оказался в этом мире. Туда, где жил его брат, слова Уилберта не долетали.

Может, оно и к лучшему. Уилберт понятия не имел, была ли непреклонная враждебность реально-

сти естественной константой, существующей для всех, или сводилась к происходящему в его разуме, а значит, возможному наследственному безумию.

— Как скажешь, ты знаешь его лучше. Это твой друг, а не мой.

— Он был бы рад и с тобой дружить.

— О да, я, бесспорно, приятный собеседник и к тому же прекрасный партнер по лаун-теннису.

Ламберт упрямо боднул воздух головой, но так ничего и не ответил.

* * *

На своих похоронах Моргана продрогла до костей. Она надеялась, что подхватит простуду и та перейдет в воспаление легких, которое убьет ее в пару недель. И делала для этого все, что было в ее силах, жадно глотая холодный воздух.

Но то бесконечное одиночество, в которое погрузилась ее жизнь, по-видимому, уважали даже болезни и смерть. Они не приходили, сколько она потом ни прижималась лбом к холодным стеклам и ни дышала у раскрытых оконных створок.

На больший протест ее смелости не хватало. Да и отец позаботился, чтобы окна в ее спальне — бывшей спальне Моргана — зимой заколотили намертво, оставив крохотную форточку. Она сутки напролет сидела в этом гробу, спускаясь лишь тогда, когда отец требовал спуститься. Очень много курила. Граф сказал, что, если она не посадит голос до весны, он решит проблему при помощи кислоты или щелочи. Зная его, Моргана ни секунды не сомневалась, что так и случится.

ИСТОК

Пока голос не сделается низким, ей запрещалось разговаривать на людях. Даже со слугами.

Осень перешла в зиму, а потом белое безмолвие сожрало пространство за окнами и само время. Серые ночи были немногим темнее, чем серые дни. Моргана не знала, подслушивает ли отец ее сны, поэтому на всякий случай перестала говорить даже в них. Просила у Моргана прощения за то, что взяла его лицо и имя, выводя слова на зеркале.

В середине марта Морган с той стороны написал, что не в обиде.